

ИСТОРИЯ

Подвиг в облаках

Белорусский летчик совершил невозможное, сбив девять фашистских самолетов в одном бою

В Сенненском районе на Витебщине есть добрая традиция. Каждый год в местную школу деревни Мошканы, носящую имя прославленного земляка Александра Горюца, прилетают пилоты Витебского аэроклуба, также носящего имя этого легендарного летчика. В качестве поощрения они берут на борт лучших учащихся и выпускников школы и кружат над селом. Местность эта героическая в буквальном смысле. Отсюда родом Герои Советского Союза Петр Машеров и Иван Каминский, Герои Соцтруда Заир Азгур и Лидия Сироткина. Здесь же родился и вырос Александр Горюц, подвиг которого достоин Книги рекордов Гиннеса, но не вписан туда лишь по нелепым обстоятельствам.

Грозный новичок

— Он с детства мечтал о полетах, — вспоминает одноклассница Саши Горюца, бывшая учительница Лидия Радюк. — Записался в школьный кружок авиамоделирования, делал и запускал в небо сконструированные самолеты. Из нашей деревни многие парни тогда шагнули в небо. Время было такое, помните, как в песне, — «мы рождены, чтоб сказку сделать былью»...

Выпускнику Витебского аэроклуба и Ульяновского военного училища Александру Горюцу в войну достался самолет с бортовым номером 73. Удивительно, но именно столько боевых вылетов совершил лейтенант Горюц. Впрочем, на войне в магию цифр мало кто верил. А вот в боевые качества нового советского истребителя Ла-5 специалисты верили действительно, и не только наши. Его побаивались даже асы люфтваффе: отличное вооружение, хорошая управляемость в бою, ма-

невренность и скорость больше, чем у хваленых «мессершмитов». Ко времени того легендарного полета на фюзеляже машины, принадлежавшей Горюцу, красовались восемь звездочек — то есть восемь сбитых самолетов. Не самый выдающийся результат среди советских летчиков. Однако его главный подвиг был впереди.

Поединок на высоте

...Лето 1943 года запомнилось ожесточенными боями на Курской дуге. В один из жарких дней эскадрилья наших самолетов выполняла задание по прикрытию наземных войск. Когда легли на обратный курс, Горюц пошел замыкающим, и он не смог сообщить своим товарищам о появлении врага. Времени на раздумье не было: немецкие бомбардировщики уже начали

перестраиваться в колонну для бомбометания.

Сблизившись с ведущим «юнкерсом», Горюц первой же прицельной очередью сбивает флагмана. И закрутилась огненная карусель. Через считанные секунды вспыхнул и развалился в воздухе второй «юнкерс», затем загорелся третий. Атака следовала за атакой, и почти каждая оказывалась результативной. Строй немцев распался, они стали расстреливаться, а Горюц, мастерски маневрируя, уклоняясь от огня противника, брал в прицел новую мишень. К земле он отправил уже восемь бомбардировщиков и погнался за девятым, который пытался улечься на бреющем полете. Внезапно оружие замолчало —

кончился боекомплект. Тогда Горюц вплотную приблизился к фашистскому стервятнику и рубанул его винтом по хвостовому оперению.

Израженный, с погнутым винтом Ла-5 с трудом слушался рулей. Радиопередатчик по-прежнему молчал, к тому же горячее было на исходе, но Александр рассчитывал дотянуть до аэродрома. Увы, судьба приготовила ему еще одно испытание. На горизонте неожиданно появились три пары немецких «фоккеров». Выжав из своего «ястребка» максимум возможного, Горюц кинулся на врага, однако силы оказались слишком неравными. В следующее мгновение огненные трассы вражеских самолетов прошли безоружный Ла-5, он перешел в отвесное пикирование и врезался в рыхлый чернозем на хуторе Зоринские дворы, что в Белгородской области. Герою не исполнилось и 30 лет.

Навечно в памяти

Его имя вполне достойно Книги рекордов Гиннеса. Правда, там уже отмечены 13 побед в одном сражении немца Эриха Рудорффера, но историки считают этот подвиг недостаточно задокументированным. Периодически высказываются подобные сомнения и в отношении Горюца.

— Ничего подобного, есть свидетельства и очевидцы того сражения, — опровергает скептиков директор мошканской средней школы Худавери Кулиев. — С восхищением следил за боем советские пехотинцы и артиллеристы, среди них был и командующий фронтом Николай Ватутин. Впоследствии именно он вместе с будущим генералом Никитой Хрущевым подписал представление о присвоении Горюцу посмертно звания Героя Советского Союза.

Этот документ сейчас хранится в музее мошканской школы.

После памятного воздушного поединка наземные войска обнаружили обломки девяти «юнкеров», а вот найти сбитого героя сразу не удалось. Долгое время Горюц числился пропавшим без вести, лишь в октябре 1957 года юные следопыты с помощью местных жителей обнаружили на глубине нескольких метров самолет с останками летчика. Найденные при нем пистолет ТТ, партийный билет, планшет с картой сейчас хранятся в Центральном музее Вооруженных сил в Москве. Сам же Горюц был с почестями похоронен в деревне Зоринские дворы. Имя героя занесено в Книгу народной славы Сенненского района, в его честь названы улицы белорусских городов.

Подвиг Александра Горюца золотыми буквами вписан в историю Великой Отечественной войны и служит прекрасным примером для подрастающего поколения. На базе мошканской школы создан краеведческий кружок «Память», участники которого свято чтут память о своих земляках-героях и неоднократно становились победителями творческих конкурсов на военно-историческую тематику. Кстати, еще один факт: 40 летчиков — Героев Советского Союза из числа белорусов и уроженцев Беларуси за годы Великой Отечественной войны сбили в воздушных боях 506 вражеских самолетов.

Евгений КОНОНОВИЧ

На снимках: памятник и памятная доска А. Горюцу в Витебске, на улице, названной именем героя.

Фото Александра ХИТРОВА, БелТА

МЫСЛИ ВСЛУХ

Ложка меда в бочке дегтя

Что нам мешает приобщиться к культурному опыту человечества

Уже давно постулат о том, что демократия, в сравнении с иными формами общественного устройства, гарантирует более удобный и широкий доступ к любой необходимой потребителю информации, считается не просто аксиомой, а общим местом, банальностью. И все же так ли это на самом деле?

Скажем, есть ли у нас и вообще нужна ли нам справочная литература? Потому как, если судить по нашим СМИ, а также по их сотрудникам, а также по некоторым публикациям вторых в первых, то дело у нас в стране либо со справочниками, либо с их использованием отечественной околочеловеческой «элитой» обстоит совершенно катастрофически. То есть за всю справочную литературу ручаться не буду, но за то, что касается моих профессиональных интересов — о писателях, — рискну. Примеров тому несть числа, достаточно включить любую телевизионную передачу или открыть любой массовый журнал на какой угодно странице. Помнится, в одном популярном издании некто Елена Слатина в своем обзоре кино о войне упомянула фильм «Я — русский солдат», снятый по повести «В списках не значился». Вот только есть записка — автором ее неожиданно оказался Василь Быков... Единственное, что можно придраться в оправдание Елены, это предположить, что она не воспользовалась нужными справочниками не от ленисти, а из-за неимения оных.

Терять долгие годы человек, заинтересованный в достоверной информации о национальной литературе последних двух веков, вынужден был в первую очередь обращаться к справочникам советского периода. Издания сии выверенные, добротные, но, во-первых, их данные сильно устарели, а во-вторых, в них отсутствуют писатели «идеологически чуждые».

Честно говоря, в перестройку я ожидал, что положение с книгами улучшится не только в отношении ранее неизвестных широкому читателю имен и произведений, но и в отношении справочной литературы о них. Не вышло. Главное, что обвалилось в полперестройку, это справочный аппарат. Как будто корова языком слезнула из книжек предисловия-послесловия, комментарии, а также редакторов и корректоров. То же самое произошло и со специальной справочной литературой. Правда, на рубеже столетий выхо-

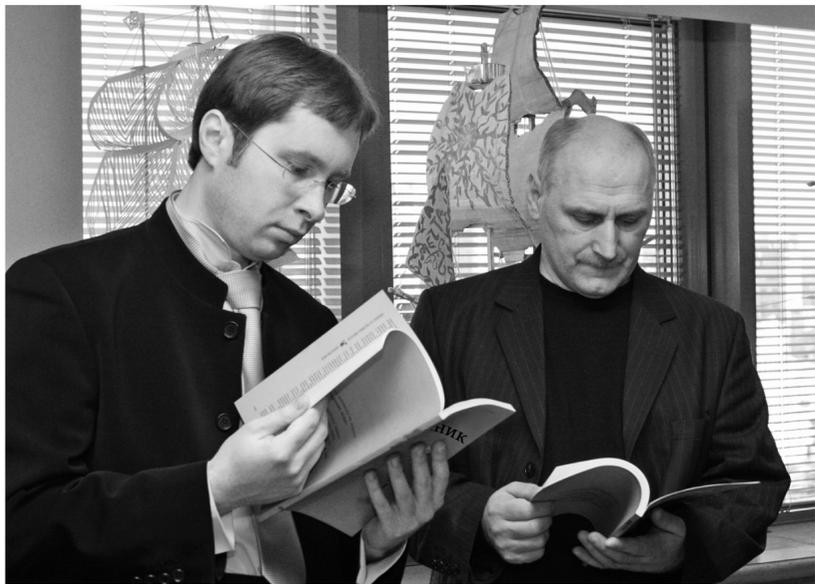

ФОТО ВЛАДИМИРА КОСОВИЧЕВА

дили и новые справочники о писателях (В. Казака, А. Николокина, Н. Скатова), но они явно были промежуточными, создававшимися в процессе становления данного жанра после развала СССР, охватывали достаточно узкий круг авторов, и — главный недостаток — их практически невозможно достать.

Наконец, лет эдак через двенадцать после распада СССР в книжных магазинах стали появляться новые, лишенные цензурных ограничений отечественные справочники о писателях: «Отечественные верные сыны. Писатели России — участники Великой Отечественной войны»; тома всероссийского автобиографического ежегодника «На пороге XXI века»; однотомник «Русские писатели XX века».

К сожалению, имеются определенные претензии и к этим изданиям. И главная — что они неполны, с явными признаками контузий и увечий, причем во всех трех случаях вызывают резкое несогласие принципы формирования сей неполноты. Работа в жанре, который требует по меньшей мере стремления к полной объективности, в наших российских условиях, вследствие дополнительно привносимых вкусовых и идеологических критериев отбора материала, приводила к бесконечным лакунам и пробелам. В итоге можно просмотреть каждый

из имеющихся литературных словарей и нигде не найти нужного тебе писателя, даже из известнейших.

Случай с «сынами отчизны» наиболее простой и одновременно наиболее странный. Полагаю, что критерии отбора имен для подобного справочника довольно незамысловаты: человек должен быть связан с литературой и в то же время быть участником ВОВ. И тем не менее в справочнике, скажем, нет автора трилогии «Ветка Палестины» Григория Свиридова, нет и всемирно известного эссеиста Григория Померанца. Не удостоились этой чести Нобелевской премии Александр Солженицын. Улавливаете критерии невключения?

При всей разности жизненных и творческих установок, диапазона излюбленных жанров, все вышеперечисленные признаки контузий и увечий, причем во всех трех случаях вызывают резкое несогласие принципы формирования сей неполноты. Работа в жанре, который требует по меньшей мере стремления к полной объективности, в наших российских условиях, вследствие дополнительно привносимых вкусовых и идеологических критериев отбора материала, приводила к бесконечным лакунам и пробелам. В итоге можно просмотреть каждый

Критерии отбора материала

вочной литературе. Есть в нем и Солженицын, и Астафьев, и Кузнецов, и Белов, и Наум Коржавин, и Николай Панченко, и... и...

На сей раз пугают не взгляды составителей, а их принципы. Провозглашенные и нет. «Читатели могут указать на отсутствие в словаре статей о таких замечательных писателях, как Г. Айги, В. Быков, Ч. Айтматов и другие. Многие их тексты создавались на русском языке, их вклад в русскую культуру весьма значителен. Но главный источник их творчества — в их национальной духовной стихии: чувашской, белорусской, киргизской и т.д.»

Принцип, что и говорить, четкий, но, доведенный до абсолюта, вызывает некоторые сомнения. Немножко странно, когда литературу страны в справочнике представляют только титульная нация. И как быть с теми, кто с нами не просто тесно связан, а в равной степени классик и своей родной, и русской литературы, кто писал на обоих языках и подпадает под «позвольте вам выйти вон» исключительно из-за места рождения?

Например, Аесь Адамович. Большинство его произведений написано по-русски, из России в Белоруссию он вернулся в результате гонений тогдашних союзно-московских властей, потом в перестройку переехал обратно в Москву и умер тоже «у нас». Может, такой человек заслуживает право быть включенным сразу в два сборника — и в «Русские...», и в «Белорусские писатели XX века»? Да одна его написанная в соавторстве с Д. Граниным «Блокадная книга» — шедевр русской документальной прозы — по значимости тянет на все собрание сочинений Георгия Маркова (разумеется, включенного в справочник).

Теперь немножко о принципах невпровазлашенных, но, кажется, все-таки принципах. Творцы «Русских писателей» в упор не видят некоторые жанры литературы, до этого революционного хода традиционности числившиеся именно за ней. В справочнике практически нет ни критиков, ни литературоведов, ни философов, ни публицистов. То есть они, конечно, есть, но преимущественно те, у кого хватало сообразительности дополнительно двигать вперед и другие жанры, такие, которые составители тома признают. В результате возникает очень странное перекося. А как можно всерьез рассматривать русскую литературу XX века вообще без крити-

ков, публиковавшихся в «Новом мире» Твардовского? Без Лакшина, например. Нравится он или нет, но литература 60-80-х годов без него и его статей непредставима.

В результате же этого, надеюсь, сугубо «жанрового перекося» общая картина русской литературы XX века складывается по простоте просмотра, заметим деликатно, странная: наверное, треть ее составляют многократно-многократно классики социалистического реализма, такие как Бабаевский, Егор Исаев, Кожевников, Кочетов, Панферов, Софронов, имеющие и к просто реализму, и к литературе самое отдаленное отношение, но зато в том, что является «национальной гордостью великороссов» не по Ленину, В. Быкову, Ч. Айтматову и другим. Многие их тексты создавались на русском языке, их вклад в русскую культуру весьма значителен. Но главный источник их творчества — в их национальной духовной стихии: чувашской, белорусской, киргизской и т.д.»

Оказалось, что практически вся издаваемая ныне справочная литература про литературу пока благополучно отдана «демократии» на откуп своим оппонентам, которые по-прежнему и формируют у читателей представление об истории отечественной словесности. За одним-единственным исключением, которое, к сожалению, можно оценить положительно тоже лишь с рядом серьезных оговорок — полностью одобряя прежде всего замысел, а не воплощение оного.

Действительно, широтой охвата и полной идеологизированностью двухтомник Чупринина «Новая Россия: мир литературы. Энциклопедический словарь-справочник» выгодно отличается от всех своих предшественников постсоветского времени. Тысячи имен писателей любых взглядов и лагерей. Изучая двухтомник, я обнаружил в нем даже пятерых своих сокурсников, которых по окончании университета потерял из виду. И все было прекрасно, пока я не стал использовать словарь в качестве рабочего инструмента.

Мои первые восторги заметно поутихли, когда я углубился в статьи о тех людях, чьи биографии знал не понаслышке, и обнаружил массу пробелов и неточностей. Обращаясь же за справкой о том или ином малоизвестном писателе, в среднем через раз приходилось потом вносить в уже написанное серьезные коррективы — вследствие недостоверности взятой за основу информации.

Еще просто-таки неприятно царапает, когда вместо полной даты смерти писателя указан только месяц и год. Все же речь идет не об узниках сталинских лагерей и не о пропавших без вести в войну, а о нашем времени. Так вот, критик, участник ВОВ Александр Коган умер не в ноябре 2000-го, а 29

сентября. Аналогичные уточнения необходимо сделать и для многих других ушедших из жизни литераторов.

Такая у нас в итоге получилась история — русская литература: даже если счесть произведение Чупринина беспорочной удачей (лично я подождал до окончательных поздравлений до выправленных переизданий), то и тогда в лучшем случае мы имеем ложку меда в бочке дегтя. Нынешней демократической интеллигенции стоило бы отринуть гордыню и осознать, что ее предшественники в неизмеримо более трудных для свободы слова условиях (то, что коммунисты приписывают успешности советской власти, заслуга не ее, а прежде всего людей, научившихся ей тогда противостоять) добивались в достижении своей цели — просвещения нации — несопоставимо больше, чем мы, в результате попали не в фантастику, а в антиутопию — когда для справки о Сергее Булгакове приходится обращаться к справочной литературе советского периода.

И в заключение осталось, наверное, ответить только на один «маленький» вопрос — а нужна ли нам вообще эта самая справочная литература в печатном виде? Теперь есть Интернет, залез туда — и смотри что требуется. Оно так, да не так. Воин-единственным исключением, которое, к сожалению, можно оценить положительно тоже лишь с рядом серьезных оговорок — полностью одобряя прежде всего замысел, а не воплощение оного.

Действительно, широтой охвата и полной идеологизированностью двухтомник Чупринина «Новая Россия: мир литературы. Энциклопедический словарь-справочник» выгодно отличается от всех своих предшественников постсоветского времени. Тысячи имен писателей любых взглядов и лагерей. Изучая двухтомник, я обнаружил в нем даже пятерых своих сокурсников, которых по окончании университета потерял из виду. И все было прекрасно, пока я не стал использовать словарь в качестве рабочего инструмента.

Мои первые восторги заметно поутихли, когда я углубился в статьи о тех людях, чьи биографии знал не понаслышке, и обнаружил массу пробелов и неточностей. Обращаясь же за справкой о том или ином малоизвестном писателе, в среднем через раз приходилось потом вносить в уже написанное серьезные коррективы — вследствие недостоверности взятой за основу информации.

Еще просто-таки неприятно царапает, когда вместо полной даты смерти писателя указан только месяц и год. Все же речь идет не об узниках сталинских лагерей и не о пропавших без вести в войну, а о нашем времени. Так вот, критик, участник ВОВ Александр Коган умер не в ноябре 2000-го, а 29

Павел НУЙКИН,
член Союза писателей
Москвы